

ДЖЕЙН
ОСТЕН

•
ДЖЕЙН
ОСТЕН

НОРТЕНГЕРСКОЕ
АББАТСТВО

•

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Серия «Neoclassic проза»

Перевод с английского Д. Целовальниковой

Серийное оформление и дизайн обложки В. Половцева

Остен, Джейн.

О-76 Нортенгерское аббатство : [роман] / Джейн Остен ;
[перевод с английского Д. Целовальниковой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Neoclassic проза).

ISBN 978-5-17-188275-4

По приглашению друзей юная и миловидная Кэтрин Морланд приезжает погостить в приморский город Бат. Впервые надолго оставив многочисленных родных, Кэтрин поначалу страдает от одиночества, но очень скоро внимание девушки привлекает загадочный мистер Тилни, вместе с отцом, сестрой и старшим братом живущий в мрачном готическом родовом имении, известном как Нортенгерское аббатство. Романтично настроенная Кэтрин живо представляет, что стены аббатства хранят жуткую тайну...

Первое из подготовленных к публикации произведение Джейн Остен было издано лишь после смерти писательницы, но с тех пор роман неоднократно переиздавался, дважды экранизировался и по праву занял место в ряду выдающихся произведений английской литературы. В этом издании «Нортенгерское аббатство» впервые публикуется в новом переводе.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. Д. Целовальникова, 2026
Школа перевода Баканова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-188275-4

Предисловие переводчика

Между бюветом и аббатством: несколько слов о реалиях и нравах эпохи

Перед читателем — необычайно увлекательный роман-взросление и одновременно роман — столкновение вымышленной реальности с настоящей жизнью. Он создавался на пике популярности творчества знаменитой и по сей день королевы готики Анны Радклиф с ее таинственными замками, семейными проклятиями и роковыми тайнами. Однако «Нортенгерское аббатство» примечательно не только пародийной линией и полемикой с готическим и просветительским романом — это еще и глубокий, вдумчивый рассказ о жизни и нравах английского общества на рубеже XVIII–XIX веков. Джейн Остен — настоящий мастер психологизма, причем она весьма экономна в средствах изображения, обладает чувством меры и удивительной правдивостью в описании чувств. Ее романы до сих пор поражают верностью жизненной правде, умением автора подметить и отобразить

в повседневном типическое, найти поведению персонажей четкие социальные и финансовые мотивировки и создать поразительно живые и разносторонние характеры.

Помимо юмора и тонкой иронии, столь любимых читателями Остен, основу ее творческого метода составляет принцип художественной достоверности: она пишет лишь о доподлинно ей известных вещах — изображает обычную, вполне заурядную жизнь своего времени и круга с массой бытовых подробностей, которые служат и предметом изображения, и средством для раскрытия характеров и внутренних конфликтов. Причем нельзя сказать, что она копирует с натуры, нудно перечисляя мельчайшие подробности уклада и окружающей обстановки — нет, она виртуозно отбирает самое ценное и типичное, не перегружая текст бесконечными описаниями внешности персонажей, интерьеров или архитектуры каждого мало-мальски значимого здания.

Времена меняются и вместе с ними — нравы и быт, поэтому современному читателю многое в описании старой Англии может показаться непривычным. Безусловно, человеческие чувства и традиционные ценности — любовь, семья, воспитание, становление личности — остаются неизменными, и все же исторические и бытовые реалии порой сильно отличаются от наших и требуют пояснений. Таким образом, перед переводчиком стояла непростая творческая задача: сделать пере-

вод понятным для современного читателя и передать неповторимый голос Джейн Остен, ее тонкую иронию, способную одновременно пародировать готические штампы и выстраивать психологически достоверный сюжет. Текст насыщен реалиями георгианской эпохи (социальными условностями, топографическими и бытовыми деталями, литературными аллюзиями — от названий популярных романов до скрытых цитат), и часть пояснений вынесена в постраничные сноски, а часть — в предисловие, где дан краткий путеводитель по топографии Бата и светским нравам эпохи. Это позволяет современному читателю погрузиться в мир романа естественно, не спотыкаясь об исторические справки, не теряя авторских смысловых акцентов и не рискуя упустить иронию Остен, которая часто строится именно на контрасте «высокого» и «обыденного».

Главной сценой в романе «Нортенгерское аббатство» выступает великолепный Бат — самый модный курорт георгианской Англии рубежа XVIII и XIX веков. Выстроенный из теплого золотистого камня в живописной долине реки Эйвон, этот город служил не только здравницей для состоятельных англичан, но и, по сути, ярмаркой невест и местом для демонстрации статуса. Сюда приезжали на зимний сезон, чтобы пить целебные воды в знаменитом бювете, прогуливаться по роскошным улицам и искать выгодную партию в бальных залах.

Остен не просто воссоздает Бат по своим личным впечатлениям — каждое название улицы, площади или здания упомянуто вовсе не случайно, по ним можно определить социальную принадлежность и уровень дохода персонажа. К примеру, просторные квартиры на Милсом-стрит считались весьма респектабельными и стоили очень дорого, жилье на Палтни-стрит подчеркивало солидный статус и достаток его обитателей, а меблированные комнаты на Эдгар-билдингс были жильем классом ниже — более скромным и доступным для людей среднего достатка. Престижные Аргайл-стрит и Бат-стрит служили главными пешеходными артериями курорта, по которым почтенная публика ежедневно стекалась из жилых кварталов к центрам светской жизни — минеральным водам бювета и бальным залам; на батской Бонд-стрит располагались модные лавки и кофейни. Примечательно, что по вечерам и в плохую погоду персонажи романа передвигаются не в экипажах, а в портшезах: в Бате той эпохи их широко использовали для коротких поездок, поскольку на узких улицах они были удобнее и маневреннее карет.

Светская жизнь Бата сосредоточена вокруг нескольких центров притяжения. Утром и днем общество направляется в знаменитый **бювет**, построенный в 1789–1799 гг. по проекту архитектора Томаса Болдуина, где посетители пьют минеральную воду из горячих источников, заводят полезные

знакомства, обсуждают новости и демонстрируют наряды. Доступ туда платный: посетители приобретают абонемент на определенное количество посещений или на весь сезон. Кстати, по традиции, в Бате велись книги записей имен всех приехавших на курорт представителей благородного сословия. Эти списки выставляли в общественных местах и публиковали в газетах, чтобы отдыхающие могли знать, кто из их знакомых находится в городе.

Вечера отдыхающие проводят в **Верхних или Нижних залах** — двух главных общественных зданиях Бата эпохи Джейн Остен, где проходили балы, концерты, чаепития и карточные игры. Их посещение, опять же, требовало подписки. Верхние залы считались более фешенебельными, Нижние были доступнее для среднего класса. Для героев романа эти залы — место светского общения, демонстрации статуса и поиска выгодной партии. Здесь же, на балах и прочих увеселительных мероприятиях, можно было встретить и приходского священника: англиканские пастыри в повседневной жизни не носили специального облачения, а одевались как светские джентльмены, что позволяло им свободно участвовать в светской жизни курорта.

Кроме этих обязательных для посещения мест в романе также упоминается Кресент (позднее Ройял-Кресент или Королевский полумесяц) — знаменитый архитектурный ансамбль, памятник георгианской архитектуры XVIII века, представляющий

собой эффектную полукруглую дугу из тридцати домов в три этажа; в те времена — изысканное и престижное место для прогулок, где собиралось лучшее общество.

Помимо Бата в романе фигурируют и его окрестности: живописные возвышенности Лэнсдаун-хилл и Уикские скалы, соседний курортный городок Клифтон и портовый Бристоль с их знаменитыми безделушками из шпата и кварца — так называемыми бристольскими алмазами, которые добывали в ущелье Эйвона и продавали туристам как памятные сувениры «с вод». В этот достоверный ландшафт автор вписывает и вымышленные локации: уютную пасторскую деревню Вудстон, родной дом героини в Фуллертоне и, конечно, окутанное готическим духом Нортенгерское аббатство. Само название поместья напоминает об эпохе английской Реформации 1530-х годов, когда после разрыва короля Генриха VIII с Римом и роспуска монастырей их земли и здания были конфискованы казной и розданы или проданы представителям знати и джентри, в результате чего древние обитатели превратились в частных владения.

Нравы эпохи Джейн Остен заслуживают отдельного разговора, здесь же мы коснемся лишь трех важных моментов. Во-первых, светское знакомство не могло состояться без официального представления, поэтому ключевой фигурой на балах в Ассамблейных залах Бата был распорядитель: он следил

за порядком и соблюдением этикета, представлял друг другу незнакомых гостей и при необходимости назначал дамам кавалеров. (В романе эту роль выполняет историческое лицо — мистер Джеймс Кинг, распорядитель в Нижних залах с 1785 по 1805 год.) Кроме того, мужчина не мог пригласить даму более чем на два танца подряд — такой жест воспринимался окружающими как свидетельство серьезной симпатии, фактически как публичное объявление о намерениях. Во-вторых, свобода для девушки из сословия джентри была иллюзорной. Появиться на публике без сопровождения (компаньонки или родственника), отправиться на слишком долгую пешую прогулку или поехать в открытом экипаже наедине с женщиной, не являющимся близким родственником, — все это граничило с катастрофой для репутации. И, в-третьих, путь от первого поклона до алтаря был обставлен строгими условностями. Даже переписка между молодыми людьми допускалась лишь после официального оглашения помолвки. Любое отступление от этого протокола становилось для Остен предметом ироничного, а порой и сурового разбора.

Впрочем, сама Джейн Остен прекрасно понимала, что эти условности со временем утратят значение. В предисловии к долгожданной публикации «Нортенгерского аббатства» она с грустью замечает, что «описанные в романе места, манеры, книги, взгляды» со временем изрядно устарели. К моменту

выхода книги готическая мода действительно угасла: на смену ей пришла эпоха исторических романов Вальтера Скотта. Нам остается лишь гадать, какой искрометной могла бы стать пародия Остен на рыцарские романы, доживи она до расцвета их славы. За прошедшие два столетия произошли еще более серьезные изменения — английская литература стала совершенно иной, курортные традиции Бата канули в Лету, правила светского общения превратились в исторический факт. Однако за внешними приметами эпохи сохраняется то, что не зависит от времени: взросление, умение отличать фантазию от реальности, верность собственным чувствам и поиск подлинной привязанности в мире светских условностей.

Дарья Целовальникова

От автора

Эту маленькую вещицу автор закончила в 1803 году, надеясь на скорую публикацию. Книготорговец рукопись купил и даже дал объявление о скором ее издании, но почему-то дальше дело не пошло. Весьма странно, согласитесь: зачем покупать рукопись, если не собираешься ее публиковать! Впрочем, ни автора, ни читающую публику это занимать не должно, разве что следует принять во внимание тот факт, что жизнь не стоит на месте. За минувшие тринадцать лет много чего произошло, и описанные в романе места, манеры, книги, взгляды претерпели довольно значительные изменения.

Глава I

Никто, знавший Кэтрин Морланд в младенчестве, и не подумал бы, что ей суждено стать героиней романа. Положение в свете, образ жизни родителей, ее собственная внешность и нрав — все это отнюдь не располагало к подобной участи. Отец ее был священником — вовсе не бедным или нерадивым, а весьма уважаемым, носил простое имя Ричард и внешность имел вполне заурядную. Два прихода и неплохое наследство позволяли ему не переживать о хлебе насущном, и своих дочерей он вовсе не был склонен держать взаперти. Мать ее отличалась весьма похвальным практичным здравомыслием, добрым нравом и, что еще удивительнее, крепким здоровьем. До Кэтрин она родила троих сыновей и вместо того, чтобы, как и полагается, умереть при родах, не только выжила, но и произвела на свет еще шестерых отпрысков, благополучно их вырастила и до самой старости наслаждалась отменным самочувствием. Семья с десятью детьми всегда слывет прекрасной семьей, независимо от их внешних данных, и Морланды брали скорее коли-

чеством, чем качеством — все отпрыски были весьма неказисты, и Кэтрин на протяжении многих лет мало чем среди них выделялась. Фигурка — тощая и угловатая, кожа тусклая, темные волосы — жидкие и прямые, черты лица резкие — внешность так себе; что же до ее нрава, то он сулил еще меньше перспектив. Она обожала все мальчишеские забавы и предпочитала крикет не только игре в куклы, но и более подходящим для героини утехам нежного возраста — ухаживать за хомячком, кормить канарейку или поливать розовый куст. Возиться в саду ей не нравилось, и цветы она рвала по большей части из озорства — по крайней мере, такой вывод напрашивается сам собою, поскольку Кэтрин предпочитала те, которые трогать запрещалось. Таковы были склонности девочки, а ее таланты поражали ничуть не меньше. Она ровно ничего не могла понять или выучить без толкового наставления, порой же не помогало и оно, поскольку Кэтрин часто бывала невнимательна и даже туповата. Мать билась с ней три месяца, чтобы затвердить «Мольбу нищего»¹, и, несмотря на это, ее сестра Салли, следующая по возрасту, декламировала стих гораздо лучше. Впрочем, нельзя сказать, что Кэтрин все усваивала туго — ни в коем случае, ведь басню «Зайчиха и ее многочисленные друзья»² она запомнила

¹ Томас Мосс (1740–1808), “The Beggar’s Petition” (1769). — *Здесь и далее, если не указано иное — прим. перев.*

² Джон Гей (1685–1732), “The Hare and Many Friends” (1727).